

Начались летние каникулы.

Каждый мой день был насыщен и интересен — подработка в компании по доставке грузов, встречи с живущими в нашем районе иностранцами в рамках занятий клуба разговорного английского, поездка на природу с Хасэ. Благодаря домашней еде Рурико-сан и термальному источнику в общежитии я находился на пике своих сил; что называется, был здоров и телом, и духом. В свободные дни я читал книги на прохладной веранде особняка. Счастье меня переполняло.

В палисаднике общежития деревья, купающиеся в солнечном свете, радуют сочной зеленью, буйно цветут цветы. По соседству с чертополохом и подсолнухами почему-то распустились ширококолокольчики и камелия. Солнце палит по ним нещадно. Каждый день Ямада-сан, обливаясь потом, ухаживает за ними, вырывая сорную траву.

Зато на выходящей на запад веранде перед гостиной находится приятно, благодаря густой кроне деревьев вокруг ее обдувает прохладный ветерок. Можно лечь прямо на голые доски и наслаждаться мороженым, которым время от времени угощает Рурико-сан.

— Как на природу съездил, Юси-кун?

Очередной неспешный день клонился к вечеру. Мы с Поэтом болтали на веранде, попивая кофе со льдом. Художник дремал, подложив под голову альбом с репродукциями картин.

— Отлично! Впервые в жизни жарил барбекю, было очень здорово.

— Барбекю, говоришь... Надо будет как-нибудь у нас в саду устроить.

— О, давайте!

— Пока ты еще не уехал.

Я не нашелся, что ответить.

Где-то в дальних кустах, скрываясь за стрекотом цикад, притаилось нечто неопределенное. По саду перед нами проплывали по воздуху похожие на прозрачных медуз существа. Для меня все это уже давно стало частью привычных будней.

— Как лето закончится, придется прощаться.

— Угу...

— Скажи же, весело было.

— А то. Еще как!

Мы улыбнулись друг другу.

Когда-нибудь в далеком будущем я, оглядываясь назад на все пережитое здесь, наверное, усомнюсь, действительно ли это происходило со мной на самом деле.

«Это нормально», — слышался мне откуда-то голос Рю-сана.

У каждого человека своя жизнь. Своя точка зрения, свое представление о том, как устроен мир. Человек должен жить, опираясь на них.

Но нельзя забывать, что личный мир каждого — это далеко не весь мир. Настоящий мир намного, бесконечно огромней.

Именно от того, понимает это человек или нет, зависит насыщенность и глубина его собственной жизни. Я осознал это благодаря Особняку нежити.

— Вся моя дальнейшая жизнь будет кардинально отличаться от прошлой! — уверенно заявил я.

— Ну ты загнул! — расхохотался Поэт.

И тут воздух вокруг мгновенно стих. Мне уже было знакомо это ощущение, означающее приход кого-то могущественного.

— Рю-сан, что ли, вернулся? — Поэт тоже смотрел в сторону ворот.

Вдруг спавшая под боком Художника Бела вскочила и залаяла. На моей памяти это случилось впервые. Эта белая собака неотрывно следует за Бусей, точно охраняет его день и ночь. Так как Буса не говорит, я думал, Бела тоже не умеет лаять.

— А-а, Аканэ-сан пришла, — глядя на Белу, понимающе сказал Поэт.

— Аканэ-сан... Тоже привидение?

— Да, в некотором роде. Ясенько...

Для Поэта такой тон был нехарактерен. Точно ему резко расхотелось продолжать разговор, и

вообще напала рассеянность и сонливость, а во взгляде, что он перевел на протиравшего глаза Бусю, за клубились тени. Проснувшийся и севший Художник тоже смотрел на Бусю немного иначе, чем всегда.

— В чем дело?

Сердце гулко забилося, чего со мной уже давно здесь не случалось. Надвигалось что-то еще совершенно мне не знакомое.

Бела радостно завиляла хвостом.

В следующую секунду дверь в гостиную тяжело распахнулась. В проеме стояла огромная собака. У меня перехватило дыхание.

«Это и есть Аканэ-сан?!»

Ростом эта стоящая на задних лапах псина была выше меня. Не меньше ста семидесяти сантиметров. Тело ее было облачено в красивое белое кимоно с узором из осенних листьев, голову венчали большие уши, сверкали красно-коричневые глаза. В открытой пасти поблескивали острые зубы и виднелся красный как кровь язык. Даже после всех потусторонних существ, что я уже успел здесь навидаться, при виде этой внушительной гостии я едва не грохнулся на пол.

Буся и Бела в восторге бросились к ней. Аканэ-сан погладила Белу и осторожно подхватила и взяла на руки Бусю. Но хоть смотрела она на Бусю с любовью, меня трясло от ужаса при мысли, что она в любой момент может с легкостью его проглотить.

— Здравствуй, Аканэ-сан. Спасибо за проделанный путь.

Аканэ-сан улыбнулась в ответ на приветствие Поэта. Улыбнулась. Собака.

— Это Юси Инаба-кун.

Аканэ-сан подошла ближе. От нее исходила такая мощь, что, казалось, сам воздух сгустился. Я понял, что пугало меня не столько ее огромное тело, сколько ее так называемая духовная сила. Мне лишь с большим трудом удавалось удержаться на ногах.

— П-приятно познакомиться. М-меня зовут Юси Инаба.

Глядя на меня, Поэт и Художник изо всех сил сдерживали смех. Аканэ-сан сощурила свои красно-коричневые глаза.

— Какой очаровательный юноша.

Этот голос! Если бы волк вдруг овладел человеческой речью, он бы говорил именно таким голосом! Пронзительный и глубокий, от него в буквальном смысле волосы шевелились! Точно уже один он нес в себе энергетический заряд. И этим голосом Аканэ-сан нежно замурлыкала с Бусей.

— Ну рассказывай, ты здоров, м? Вкусная конфетка? Хочешь что-нибудь?

Аканэ-сан ласково потерлась носом о щеку Буси. Ее морда ничего не выражала, но, наглаживаемая маленькой ручкой Буси, Аканэ-сан казалась счастливой. Будучи привидением, Буся не мог быть здоровым или нездоровым, но, если забыть о том, что они оба не были людьми, можно было подумать, что перед тобой самые обычные мать с ребенком.

— Она пришла повидаться с Бусей? — спросил я Поэта, но тот точно язык прикусил. Что-то определенно было не так.

— Раз пришла матушка, значит, это тоже явится сегодня ночью?

На вопрос Художника Аканэ-сан кивнула.

— «Это»?..

Я посмотрел на Поэта. На его лице появилось выражение легкой озабоченности.

— Похоже, Юси-кун, тебе придется увидеть нечто очень неприятное.

— Вы о чем? Плохие существа же не могут сюда заходить?

Поэт кивнул.

— Но иногда они все равно приходят. Кто-то, просто проходя мимо, а кто-то, как сегодня, время от времени возвращаясь.

Я непонимающе на него посмотрел.

— Как Бусина мать.

Эта история повергла меня в шок.

Бусю убила родная мать. Причем до этого она постоянно над ним издевалась.

— Эта женщина вела никчемный образ жизни и без остановки срывала на Бусе злость за свои неудачи в отношениях с мужчинами и вообще за то, что у нее ничего путного не выходит, — поведала мне Аканэ-сан, ласково глядя по волосам сидящего у нее на коленях Бусю.

Мать Буси еще подростком сбежала из дома, перебралась из провинции в большой город, где сошлась с парнем, не желавшим работать, и какое-то время едва сводила концы с концами.

Но никакой мужчина не захочет дорожить отношениями с неопрятной и эгоцентричной женщиной, парень в итоге ее бросил, и в поисках нового любовника она отправилась в квартал красных фонарей. Так она попала в порочный круг непродолжительных отношений с еще более жестокими мужчинами.

— И при всем этом ей хватало наглости жаловаться и недоумевать, почему она все никак не найдет свое счастье. Тогда же она и забеременела, и у нее родился Буся.

Рождение ребенка послужило причиной разрыва с ее тогдашним любовником. То есть поначалу он отнесся к нему спокойно, но очень скоро Буся стал его раздражать, и в конце концов под этим предлогом он ушел от его матери. Разумеется, сам Буся был тут ни при чем, но женщине не приходило это в голову. За всю свою жизнь она ни разу не подумала, что в чем-то может быть виновата сама.

И к великому сожалению, она нашла объект, на котором можно было безнаказанно вымещать злость на бросившего ее любовника. Им стал Буся. Изо дня в день она била его за то, что он плакал, выгоняла на улицу за любые провинности, почти не кормила, кричала на него, ругалась. И все это по отношению к ребенку, которому еще и двух лет не исполнилось. По отношению к родному сыну.

— Люди, что так и не обзавелись внутренним стержнем, чувствуют неуверенность во всем, что бы ни делали. Даже если делают что-то плохое. Они не осознают собственной ответственности. Потому что у них нет личности, которая бы могла ее нести, — заметил Поэт.

— Согласен, такие конченные эгоисты действительно встречаются, но чтобы мать... родная мать обращалась подобным образом со своим ребенком... он же был еще совсем маленьким...

У меня дрожал голос.

Вот почему Буся не говорит. Вот почему его лицо почти никогда ничего не выражает. Если родители не любят ребенка, как ему полноценно развиваться? Буся, еще будучи таким маленьким, оказался за чертой нормальных человеческих отношений. Поэтому он ничему не

учился, ничего не говорил, просто существовал.

— Когда Бусю выгоняли во двор, там за ним присматривала дворняжка Бела.

Аканэ-сан погладила прижавшуюся к ней Белу.

Дрожащий от холода и плачущий посреди ночной темноты Буся. И заботившаяся о нем Бела, согревающая его своим телом, зализывающая раны и иногда приносящая ему откуда-то хлеб и сладости. Делала она это не только потому что была самкой, но из искренней любви.

— Между собакой и человеком?

— Стена между видами не так уж толста. Если ты любишь кого-то, тебе безразлично, кто он, и даже если объект твоей любви — неживое существо, ты все равно его любишь, — улыбнулась Аканэ-сан. Несмотря на устрашающую морду, у нее была добрая улыбка.

Мать Буси убила его под конец тяжелого истерического припадка.

Жестоко обращаясь с Бусей, она сама у себя спровоцировала начало психического расстройства. Все чаще она впадала в ярость из-за малейшей ерунды, и в этом состоянии она била Бусю, ломала мебель.

Однажды мать Буси, впад в очередную истерику, схватила сына за тонкую-тонкую шею и со всей силы вышвырнула его во двор. Буся ударился головой; смерть наступила практически мгновенно.

В тот же миг из угла двора выскочила Бела и, бросившись на мать, разорвала ей горло, тем самым ее убив. Соседи, ставшие свидетелями этого нападения, забили Белу на том же месте. Бела не пыталась сбежать или защищаться, она просто дала себя убить.

— Почему?

— Не могла оставить Бусю одного.

Испугавшись, что совсем юная душа Буси может заблудиться, Бела приняла решение умереть и, став духом, защищать его.

— Вот оно что... Поэтому Бела всегда с Бусей.

Услышав свое имя, Бела посмотрела в мою сторону и вильнула хвостом.

В моих глазах она была заботливой мамой.

Ради любви она отдала свою жизнь. Пусть они были представителями разных видов, но для меня Бела вне всяких сомнений была мамой Буси.

— Но почему тогда Иссики-сан сказал, что придет мать Буси?

Поэт кивнул.

— Придет мать Буси. Та, что его убила.

— Что?

— Для той женщины ненависть к Бусе стала смыслом жизни. Даже умерев, она осталась в плену этой извращенной мании.

Вся жизнь матери Буси вращалась вокруг ее ненависти к сыну. Она подменила собой ее человеческое существо. Поэтому и после смерти не отпустила женщину. Даже умерев, мать хотела причинить Бусе боль, убить его, преследовать его.

— Как же так...

Я потерял дар речи. В груди мучительно сжалось, в животе возникло очень гадкое ощущение, похожее на тошноту.

Бела, желая уберечь Бусю от злого духа его матери, отправилась с ним в храм Ооками, где почитают Лесного Бога.

— Все представители собачьего рода считаются родичами Лесного Бога. Аканэ-сан служит ему, она дикая собака или, по-другому, волк. Не зря говорят, что волки — это духовные животные-слуги Лесного Бога.

Бела обратилась к богу собачьих Ооками за помощью. Но душа Буси уже была осквернена, поэтому бог не разрешил им остаться на священной земле.

Вообще-то уже одно пребывание на священной земле для оскверненной души карается небытием, но Аканэ-сан, одна из ближайших духовных животных-слуг Ооками, взмолилась о помиловании для ребенка и собаки. Аканэ-сан только-только потеряла своего дитя.

— Ооками-сама прислушался к моей эгоистичной просьбе и отослал Бусю подальше от священной земли.

Аканэ-сан решила, что Бусе необходимо внимание и любовь таких же людей, как он, поэтому она привела его и Белу в общежитие «Котобуки». И ее план удался, здесь они оба стали купаться во внимании и любви Поэта, Художника, Акинэ-тян и всех остальных обитателей общежития. Из-за своей службы Ооками-сама, Аканэ-сан может лишь изредка выбираться, чтобы повидаться с Бусей.

— Это я назвал его Бусей. Потому что у него глаза большие и сверкают, как бусины.

Свое имя Буся, которого при жизни никто не регистрировал, и он даже собственного имени не имел, получил от Поэта.

— Что значит «душа осквернена»?

Аканэ-сан сняла с Буси кофточку.

— Что за?!

На тоненьких плечиках Буси чернели отпечатки ладоней. Точно кто-то невидимый крепко за них держался. Точно кто-то невидимый не желал отпускать Бусю.

— Это проявление мании той женщины.

Меня охватил ужас. Сердце заныло, к горлу подступила тошнота.

Как? Как можно настолько кого-то ненавидеть? За что кому-то терпеть подобного рода ненависть?

— Пока живет ее мания, та женщина будет блуждать по миру, периодически, в периоды проблеска остатков сознания, возвращаясь, чтобы убить Бусю.

— А нельзя ее, как тогда Акинэ-сан... изгнать?

— Уничтожить ту женщину просто. Но связанный с ней ее манией Буся тогда не сможет отправиться на небеса. Чтобы его душа упокоилась, сначала должна упокоиться та женщина.

Аканэ-сан протяжно вздохнула.

— Даже Рю-сан не смог до нее достучаться. Сказал, придется ждать, пока ее мания не ослабеет. Со временем чувства матери притупятся. Но если мать не упокоится, и душа Буси не очистится, он не сможет попасть на небеса.

— Почему все так сложно?..

— Потому что она жила одними отрицательными эмоциями, ненавистью, завистью. Лишь они составляли ее сущность.

— Но чтобы родного сына...

— Именно потому что он ее родной сын, — тихо произнесла Аканэ-сан. — Подобная крепкая связь может быть лишь между матерью и ребенком...

От тяжести ее слов у меня сжалось в груди. Так сильно, что я едва мог вздохнуть.

Внутри забурлили злость и печаль. Как должны были мучиться мои родители, узнай они, что однажды им придется умереть, в одночасье оставив меня, еще совсем ребенка, одного. Я не мог простить мать Буси. Ни за что! Ну и что, что она женщина? Ну и что, что у нее был слабый характер? Ну и что, что ее любовники тоже были виноваты? Плевать я на все это хотел! Какие бы у нее ни были оправдания, я ни за что ее не прощу!

Но, тем не менее, между ними оставалась связь матери и ребенка.

До боли ненавистная, но — что за горькая ирония! — практически невозполнимая никакой другой связью матери и ее дитя.

Какой бы никчемной она ни была, как бы ни тяжело было это признавать, но мать есть мать.

(А вот у меня... уже нет... матери...)

Мне на ногу — я сидел, скрестив ноги, — упала теплая капля.

Я удивленно моргнул и лишь тогда понял, что по моим щекам текут слезы.

— Что... почему?

Собственные слезы меня удивили. До этого момента я ни разу не плакал на людях.

— Что, родителей вспомнил? — мягко улыбнулся Поэт. От его теплой улыбки у него защипало в глазах.

— Я... Просто...

Я в панике вытер ладонью слезы, но Аканэ-сан перехватила мою руку.

— Не три. Глаза потом опухнут.

Ни ее внешность, ни голос не были человеческими. Но в тот момент Аканэ-сан вела себя как самая настоящая «мама». Так мне подсказывало сердце.

Аканэ-сан осторожно промокнула салфеткой мои слезы. Меня точно окутало чем-то теплым. По всему телу разлилось чувство легкой, с ноткой грусти ностальгии, как при воспоминаниях о далеком прошлом.

— Чему так лыбимся, Юси? — улыбнулся Художник, точно желая меня подразнить. А ведь он тоже зовет Аканэ-сан «матушкой». Наверняка все здесь воспринимают ее, как «маму».

Буся в какой-то момент успел мирно заснуть на коленях Аканэ-сан. Бела, положив голову ей на ногу, смотрела ему в лицо.

Да, мать у Буси одна. Но у Буси есть сразу несколько «мам». Аканэ-сан, Бела, Акинэ-тян, Рурико-сан. Все они любят и заботятся о Бусе. Еще у него есть несколько «пап» — Поэт, Художник, Рю-сан и так далее. Вся ту любовь, что Буся не получил от родных родителей, он с лихвой компенсирует сейчас. Пусть от неродных ему людей. Пусть даже он сам уже не принадлежит этому миру.

Жестокое обращение с детьми. Отцеубийство. Дети, избалованные родителями. Родители, не представляющие своей жизни без детей.

До этого дня я прохладно относился к самой идее отношений между родителями и детьми. Может, из-за потаенной зависти, ведь у меня самого родителей не было. Может, мое внимание привлекали исключительно плохие примеры, потому что мне подсознательно хотелось думать, что, будь живы мои родители, у нас было бы все по-другому.

Но сейчас я вижу перед собой Аканэ-сан, Бусю и Белу.

Ребенок, которого не любили родные родители-люди, обожаем, если не сказать больше, нечеловеческими существами. Глядя на них, я не мог сдержать слез. Сердце едва не разрывалось от все новых и новых мыслей и чувств.

Досада. Обида. Почему люди не могут дорожить друг другом, тем более, родными детьми?

Ну и что, что Аканэ-сан и Бела — нежить? По сравнению со многими людьми-идиотами они точно куда выше их по уровню развития.

Но есть и такие люди, как Поэт, Художник и Акинэ-тян. Эта мысль меня успокоила.

«Стена между видами не так уж толста. Если ты любишь кого-то, тебе безразлично, кто он, и даже если объект твоей любви — неживое существо, ты все равно его любишь», — слова Аканэ-сан точно отпечатались у меня на сердце.

— Не имеет значения, кто. Главное — как...

На веранду из сада заглянула Акинэ-тян.

— Так и знала, Аканэ-сан, что это вы!

— Акинэ-тян, а как же работа?

— Отпросилась. Пришло сообщение, что сикигами Фудзюки-сэнсэя видел ее.

— Значит, она уже близко, — кивнула Аканэ-сан.

— Что такое это сики-как-там-его Фудзюки-сэнсэя? — спросил я у Акинэ-тян.

— Фудзюки-сэнсэй — это врач больницы Цукиноки, специализирующийся на нежити, и мой наставник. А сикигами — это... м-м... Дух, выполняющий приказы своего мастера?.. Слышал о Абэ-но Сэймэе?

— Да, но только имя.

— Говорят, он даже двери открывал-закрывал с помощью сикигами.

— Ну и лентяй, — оценил я.

Все захохотали.

— Что ж. Приступим как в старые добрые времена Абэ-но Сэймэя к подготовке к встрече злого духа, — с этими словами Аканэ-сан поднялась и передала Бусю Акинэ-тян.

— Бусенок! Пойдем, поиграем в моей комнате.

— Что будет с Бусей?

— Акинэ расставит защитный барьер, внутри него Буся будет в безопасности. Тебе тоже стоит пойти с ними, Юси. Это страшное, отвратительное создание, видеть которое не стоит.

Три-четыре раза в год, когда мать Буси приходит сюда, Бусю помещают внутрь особого защитного «купола», что создает Акинэ-тян. Это что-то вроде барьера, через который злым духам не пробиться. А тем временем Аканэ-сан или Рю-сан прогоняют мать.

Причем это совсем не похоже на грандиозные битвы, как в анимэ или манге. Если на то пошло, мать Буси в принципе не может зайти внутрь поля, что окружает общежитие. Она лишь топчется перед воротами.

Акинэ-тян с Бусей на руках удалилась. Бела потрусилась за ними.

— Иссики-сан, а вы что будете делать?

— Мы, как всегда, будем наблюдать.

— Злой дух отлично идет как закуска. Оригинально, а? — ухмыльнулся Художник.

— А... можно я тоже останусь?

Все посмотрели на меня.

— Если ты так думаешь себе нервишки пощекотать, то лучше оставь эту идею, Юси-кун.

— Все будет взаправду, понимаешь? Не как в кино.

Я кивнул. Мне хотелось увидеть мать Буси. Не знаю, почему. Может, действительно, чтобы «нервишки себе пощекотать».

Аканэ-сан какое-то время молча смотрела на меня своими пронзительными красно-коричневыми глазами, но в конце концов кивнула.

— Ты уверена, Аканэ-сан?

На вопрос Поэта Аканэ-сан еще раз кивнула.

— Пускай. Это тоже послужит уроком.

Художник улыбнулся.

— Жестокий выйдет урок-то. А матушка у нас сурова.

— Просим прощение за вторжение, — в сад зашли новые гости.

— Ой! — при виде их я невольно отпрыгнул назад.

У веранды остановились две собаки, стоящие на задних лапах и облаченные в хакама со знаками рода, и почтительно поздоровались.

— Нижайше просим прощения, что позволили себе зайти с этой стороны. Мы пришли поприветствовать Аканэ-сама от лица всех собачьих нашего района.

— Пожалуйста, примите в дар эту оленину и летние овощи. Надеемся, они придутся вам всем по вкусу.

Они поставили перед нами большое решето, полное мяса и овощей, и кувшин с саке.

— О-о, свежая оленина! Будем есть сашими из оленины!

— А овощи давайте пожарим. Эти баклажаны выглядят так аппетитно!

Художника и Поэта собаки в хакама со знаками рода ни капельки не удивили. Видимо, здесь это привычное зрелище.

«Вообще-то, логично. Раз Аканэ-сан служит богу собак, она главнее обычных псов. Поэтому ее приходят поприветствовать», — объяснил я сам себе.

— Каждый раз не забываете, благодарю.

— Что вы!

Животные в человеческой одежде общаются на человеческом языке.

«Прямо как в старых сказках...»

Если рассматривать происходящее с этой точки зрения, то вся его невероятность уже не так сильно пугает. Пока я старательно себя в этом убеждал, Поэт и Художник, как всегда в своем репертуаре, наблюдали за мной и сотрясались от смеха.

Свежие продукты побудили Рурико-сан на кулинарный подвиг. На веранде выстроились многочисленные блюда — прямо разворот из журнала для гурманов.

Поджаренные на маленьком угольном гриле ровные ломтики летних овощей можно было есть, обмакивая их на выбор в померанцевый сок, кунжутный соус или просто с солью. Сашими из оленины, оленина в соусе из мисо и мирина и подоспевшее чуть позже большое блюдо с жареными кусочками мяса, выложенными в пышный цветок на крупных бамбуковых листьях. Что ни тарелка, то настоящее произведение искусства. А на закуску были жареные в соли айю и разложенные в маленькие симпатичные плоские кубики охлажденного гомадофу.

— Рурико-тян, ты, как всегда, бесподобна! «И белоснежные персты твои летают, что точно в танце закружены... и чудеса рождают ровне Арахны сетям, возвышенно, таинственно, на диво...» Как-то так.

Поэта вид целой серии кулинарных шедевров, похоже, немало вдохновил. Художник же, не обращая на него ни малейшего внимания, неумоимо наполнял до краев и опустошал свою рюмку для саке.

— Какой чудный аромат! — заглянул на веранду Антиквар. — О, да это же Аканэ-доно! Вы как всегда прекрасны... — почтительно поздоровался он, беря Аканэ-сан за руку. Со стороны выглядело все это как-то чересчур напыщенно и театрально. И не поймешь, он это серьезно или дурачится. Вот и Аканэ-сан не сдержала усмешки.

— А ты, как я посмотрю, все такой же, Антиквар.

— Стараюсь. Сегодня та самая ночь?

— Да.

— Присоединяйся, Антиквар, — Художник протянул ему рюмку.

— Позволю себе принять ваше любезное приглашение. Есть засоленные глаза дракона, не желаете?

— Обойдусь!

Все расхохотались. Мы приятно провели время. Тогда я еще и представить себе не мог, что за ужасное зрелище меня ожидает.

Солнце зашло, и небо на востоке окрасилось в лилово-красный цвет.

В какой-то момент я заметил, что над садом закружила белая птица.

— Ага, цукайма Рю-сана, — поглаживая тонкие усики, сказал Антиквар.

— Цукайма?

— То же самое, что сикигами, — пояснил Поэт.

— А, те штуки, о которых рассказывала Акинэ-тян... Духи, исполняющие приказы своего мастера, или что-то вроде того...

— Не будь он занят, лично бы пришел. В дни, когда он никак не может вернуться, Рю-сан всегда отправляет сикигами. В нем заключено что-то вроде частички самого Рю-сана. В случае чего, сикигами примет бой.

Бой? Как в боевых сценах в анимэ и манге? Для меня эти разговоры все еще оставались чем-то очень далеким, как из другой реальности.

— А-а, явилась, — буркнул вдруг Художник.

Выражение на морде Аканэ-сан резко изменилось. Она отвела назад уши и устремила за ворота тяжелый взгляд пылающих внутренним огнем глаз.

Я тоже посмотрел за ворота. Жилой район в фиолетовых тонах. В круге света от уличного фонаря двигалось что-то черное.

Точно вылитые в фиолетовый воздух чернила, оно походило на расплывчатое облако из черного дыма, что, клубясь и покачиваясь, плыло в нашу сторону.

Воздух натянулся, как струна. Общежитие окутала чужеродная атмосфера. У меня по всему телу побежали мурашки. Потусторонние существа, что до этого момента свободно бродили и ползали внутри особняка и в саду, разом бросились наутек. И у Поэта, и у Художника, и даже у Антиквара взгляды изменились. Все трое напряженно застыли, а их глаза зажглись беспокойством.

Я ощутил, как вокруг нас уплотнилась духовная сила. Скорее всего, причина была в Аканэ-сан. Даже я мог это чувствовать. Сердце сдавило. Духовная энергия подобной мощи грозила вызвать головную боль или тошноту.

Черное облако остановилось перед воротами. Оно покачивалось, точно сгусток черного пламени. Внутри него проявился человеческий силуэт.

Я едва сдержал вопль.

Это была женщина. Но я понял это только из-за прямой линии юбки, потому что все остальное было страшно до неузнаваемости. Спутанные клоки волос, костлявое тело, полностью черная, точно выпачканная в грязи, кожа, безвольно повисшие руки, ничего не выражающее лицо.

— Это... мать Буси?!

— Ужасно, не так ли? — сказал Поэт, глядя на мое потрясенное лицо. — Вначале она больше походила на человека. Но с годами она опускается все ниже... Наверное, даже превратившись в подобие истлевшей тряпки, она все равно придет...

От его слов у меня перехватило дыхание. Опустившаяся душа, от которой не осталось почти ничего человеческого. Какой во всем этом смысл? Что заставляет эту женщину двигаться вперед, вопреки тому, во что она успела превратиться?

Женщина, качаясь всем своим грязным, изношенным телом, попыталась, как мне показалось, заглянуть за ворота. Она явно что-то искала. Но стоило ей шагнуть внутрь, как воздух заискрился светло-голубыми разрядами, и женщина отступила, точно ее оттолкнули. «Поле» ее не пропускало. Но женщина продолжала бродить туда-сюда перед воротами, пытаясь зайти, отступая, опять пытаясь и так снова и снова. Она походила на сломанную куклу, и в ней не чувствовалось ни капли не то что женского — человеческого достоинства.

Что это было за трагичное, позорное и мерзкое зрелище. Чтобы человеческая душа могла опуститься до такого состояния!..

— Как ужасно, не правда ли... И это мать, пришедшая увидеть своего ребенка, — с горечью пробормотал Антиквар.

Меня затошнило.

— О-о-о-о-о...

Женщина завывала. Вскинув руки, она стала царапать когтями воздух и биться головой о не пропускающее ее поле. Руки и ноги задергались. У нее начался истерический припадок. И это уже даже после смерти!

— Уо-о-о! О-о-о! — рыдала она, визжа так, что в ушах звенело.

Точно... точно тоскующая по своему дитю мать... Стоило мне так подумать, и меня вырвало.

— А тебя предупреждали не есть много, — холодно заметил Художник.

— О-о-о! А-а-а! Ия-я-я!..

— Все, надоело! — поднялась Аканэ-сан. Между ее бровями пролегли морщинки, и всем своим видом она очень напоминала злую собаку.

— Пошла прочь! Позор всего женского рода! — прогремел, словно раскат грома, сердитый крик Аканэ-сан.

И, будто и правда порожденная ее словами, в землю перед ногами женщины ударила молния. Ее отбросило назад. Я подскочил. По саду запрыгали остаточные разряды. От тела Аканэ-сан точно повалил ярко-красный пар.

— О-о, аж боевой дух видно!

— Боюсь-боюсь.

Художник и Поэт могли показаться легкомысленными, если бы их комментарии не сопровождали тяжелые вздохи. Антиквар драматично развел в стороны руки.

— Мать против матери. Противостояния страшнее трудно представить.

Женщина тяжело поднялась с земли и какое-то время неподвижно стояла. Вид у нее при этом был идиотский — из приоткрытого рта текла слюна, глаза были в кучу.

Успокаивающе поглаживая меня по спине, Поэт сказал:

— У нее уже не осталось никаких человеческих эмоций и чувств. Она не помнит, кто она, почему бродит по свету. Но привязанность к Бусе в ней все еще жива. Только из-за одной нее она в какой-то момент своих очередных бесцельных блужданий вспоминает о нем и вновь приходит сюда.

Как такое возможно, забыть обо всем, даже о своей смерти и что она когда-то была человеком, но продолжать помнить Бусю? Держаться за одно лишь желание его убить? Что это за привязанность такая?!

«Именно потому что он ее родной сын...» — вспомнились мне слова Аканэ-сан. И сердце сжалось. Все внутри, от низа живота и до самого горла, точно свело страшной судорогой. Я

зашелся в кашле, и Рурико-сан принесла мне стакан горячей воды.

Наконец, женщина, точно так же, как она пришла, развернулась и, покачиваясь, скрылась в ночной темноте. Какое-то время она будет бессмысленно блуждать по свету, пока однажды снова не вспомнит о Бусе.

Стоило ей исчезнуть из вида, и бывшее спокойствие вернулось. Кружащий в воздухе сикигами Рю-сана тоже испарился. В разных концах сада что-то зашевелилось, завозилось. В воздухе опять неспешно загорхали светящиеся медузы.

— Ну, хорошо, что и в этот раз все благополучно закончилось.

Все, похоже, успокоились и настроились продолжить пир.

— Ты в порядке, Юси? — спросила меня Аканэ-сан. От доброты в ее голове у меня едва не остановилось сердце. Только и смог, что молча кивнуть.

— Тебе бы не мешало отдохнуть, — посоветовал Поэт, и Аканэ-сан согласно кивнула.

— Тогда... я правда пойду.

— Пстой, Юси-кун. Держи талисман здорового сна — камень сновидений короля фей. Приятные сны обеспечены, — протянул мне Антиквар маленький розовый камень.

— Угу, спасибо большое, — я натянуто улыбнулся.

— Юси.

Аканэ-сан ласково погладила меня по голове.

— Береги Бусю, договорились?

Заботливый голос. Заботливая рука. «Мамины» голос и рука. Сердце грозило разорваться. Я низко ей поклонился и вышел из гостиной.

Лестница на второй этаж показалась до странности длинной. Мозги будто занемели.

На глаза попалась дверь в комнату Акинэ-тян.

Меня точно притянуло к ней невидимым магнитом, и я открыл дверь.

— А, Юси-кун.

Акинэ-тян лежа читала книгу. Буся спал у нее под боком. Бела — прижавшись к нему.

— Только не говори, что ты на это смотрел? Ну у тебя и хобби, — как всегда лучезарно улыбнулась Акинэ-тян.

Здесь их нет. Нет ничего плохого, грустного или уродского. Есть только покой, доброта, теплота...

— Юси-кун? Что с тобой?

На этот вопрос у меня не было ответа.

Слезы просто лились и никак не хотели заканчиваться. Сковавшие грудь рыдания выходили из меня беззвучным потоком слез. Которому все не было и не было конца.

Спящее личико мирно посапывающего Буси казалось таким невинным, таким очаровательным. «Умру, а этому чудовищу ни за что его не отдам!» — вспыхнуло в голове. В тот момент я отлично понимал чувства Аканэ-сан, чья злость по мощи была сравнима с громом.

Но еще есть эта женщина, утратившая все человеческое, но помнящая свое дитя, и, ведомая одним этим воспоминанием, способная найти его, где бы он ни был. А осознав, что до дитя ей не добраться, она раздражается горькими рыданиями, сходит с ума, беснуется — что это, как ни тоска матери по родному ребенку?

Как ужасно, что это чувство оказалось так сильно извращенно.

Как ужасно, что это чувство не принесло и не принесет самому ребенку ничего хорошего.

С момента появления дитя на свет между ним и матерью формируется особая, похожая на настоящее чудо, связь, и эта связь, вне всякого сомнения, есть и у Буси и его матери. Даже превратившись в монстра, даже лишившись тела и став похожей на истлевшую тряпку, она все равно придет. Будучи не в состоянии зайти внутрь поля, оказавшись отброшенной молнией Аканэ-сан — все равно придет. Чтобы убить свое дитя. Образ этой женщины олицетворял собой самую мерзость. Самую печаль. Сам ужас. А сделали ее такой чувства к Бусе.

Была ли среди них любовь?

Хотя бы ее крошка.

Пусть она сама этого не осознавала, но может, где-то там, глубоко-глубоко в душе в ней теплилась искорка материнской любви?

Пожалуйста! думал я.

Пожалуйста! желал я всем сердцем. Молился всей душой.

Глядя на спящее личико ни о чем не подозревающего и ни в чем не виноватого Буси и чувствуя, как моя привязанность к нему крепнет с каждой секундой, и от этого сжимавшая грудь тоска лишь усиливалась.

Мне до смерти захотелось увидеть маму. Понимая, что мечтать о встрече с родителями бессмысленно, я старался как можно меньше о них думать. Но сейчас я так хотел увидеть маму! Так хотел увидеть папу!

Я скучаю, мама.

Я скучаю. Скучаю. Так скучаю!..

Акинэ-тян осторожно меня обняла. Лишь оказавшись прижатым к ее мягкой груди, я пришел в себя.

Акинэ-тян, не произнеся ни слова, похлопала меня по спине. Точно мама, утешающая ребенка.

Стыдно признаться, но после этого я уже не мог сдерживаться и зарыдал. Ничего другого не хотелось — только выплакаться.

Со смерти родителей прошло три года. Впервые за все это время я рыдал в голос.

В ту ночь мне приснились родители.

Мы устроили пикник посреди залитого теплым солнечным светом цветочного поля. За приготовленным мамой бэнто я, уже старшекласник, говорил с ними. О многом. В середине сна к нам присоединился Хасэ, и мы много смеялись все вместе.

Витражное стекло в лучах утреннего солнца сверкало всеми цветами радуги.

Из окна доносится близкий щебет птиц. Наверняка тех самых, синих.

Я не помнил, о чем мы разговаривали с родителями и Хасэ, но меня все равно переполняло счастье. И чувство глубокой удовлетворенности.

Вдруг я заметил, что сжимаю в ладони одолженный у Антиквара «камень сновидений». Не то чтобы я правда думал, что это все благодаря ему, но...

— Хотя пикник на цветочном поле... Я что, в душе маленькая девочка? — усмехнулся я, и тут передо мной шевельнулось что-то белое.

— Бела?

Бела встала на лапы и вылизала мне лицо.

— Погоди... Ты все время была здесь?

Бела подошла к двери и коснулась ее лапой, точно прося: «Выпусти». Когда я открыл дверь, из своей комнаты как раз вышла Акинэ-тян. У нее на руках был Буся. Бела немедленно бросилась к девушке и прижалась к ее ногам.

— А, Юси-кун. Доброе утро!

— Да, доброе...

Вспомнив вчерашнее, я смущенно почесал голову. Кстати говоря, я ничего не помню, что случилось потом. Как я вернулся к себе?

— Я попросила Белу присмотреть за тобой этой ночью, — с улыбкой сообщила Акинэ-тян.

— Что?

— Ну, я, по понятным причинам, спать с тобой в обнимку не могла, поэтому попросила Белу, сказала, что о Бусе я позабочусь.

Бела этой ночью исполняла для меня роль «мамы».

— О... П-прости, я ничего не помню...

Акинэ-тян, не слушая мои извинения, подскочила ко мне.

— Да, еще вот что! Ты так плакал, что сам не заметил, как заснул. Прямо как младенец! Акира-сан так тебя на руках в комнату и отнес!

— Т-ты серьезно?!

Я схватился за голову. Приехали! Мало мне было рыдать на груди девушки, а потом там же задряхнуть, так меня еще как ребенка подняли на руки и уложили в постель! Что скажет Хасэ, если узнает! При виде отразившегося на моем лице ужаса, Акинэ-тян расхохоталась.

Особняк нежити встречал очередное утро, приятное, размеренное и совершенно для него обычное, словно вчера ничего и не было.

— Доброе утро, Юси-кун. Хорошо спал?

— Приветтики.

Я низко поклонился Поэту и Художнику.

— Спасибо за вчерашнее... Извините... за доставленные хлопоты.

Поэт и Художник переглянулись и слегка улыбнулись.

— Хороший вышел урок, да, Юси-кун? Как Аканэ-сан и говорила.

Почему-то слова Поэта всегда поднимают в моей душе волну чувств.

— Ты это, вес-то немного набери. А то для дылды больно легкий, — сказал Художник.

Я представил, как он нес меня на руках, и у меня на спине выступил холодный пот.

— Я немного поправился после переезда сюда. Рурико-сан больно вкусно готовит.

— Это да! Ну что, время вкусного завтрака!

Акинэ-тян принесла мою порцию.

Кусок жареной скумбрии с гарниром из вареных баклажанов и тунца, жареные в масле сосиски со шпинатом, мисо-суп с водорослями и тарелка риса пополам с обжаренным фаршем из оставшейся с вчера оленины — если добавить сверху сырое яйцо и перемешать, получится невероятно вкусно!

Ямада-сан в деловом костюме читает газету, Сато-сан, поглядывая на часы, расправляется с супервкусным завтраком Рурико-сан. Буся сидит на коленях попивающего кофе Художника. Поэт наслаждается чаем, мы с Акинэ-тян накладываем себе по щедрой добавке риса.

А тем временем неуспокоенная мать Буси бродит где-то по свету, чтобы рано или поздно опять сюда вернуться. Никто здесь об этом не забывает и не пытается сделать вид, что ничего такого нет. Меня самого ее мерзкий, жалкий злой дух потряс до глубины души. Я по-настоящему обозлился и расстроился.

Но суть в том, что это — даже это! — не более чем одна из сторон нашей реальности. Нашей повседневной жизни.

Не все можно исправить, не все нам по силам, но главное не переставать верить, что когда-нибудь все обязательно наладится, и продолжать жить той жизнью, какая она есть.

Грустить, когда грустно.

Злиться, когда что-то раздражает.

Даже если это ничего не изменит.

Пока мы испытываем эмоции, каждая из них становится частью нас самих, доказательством, что мы живы. С ними наш внутренний мир медленно, но верно растет.

Очень скоро моя жизнь в Особняке нежити подойдет к концу.

В тот день, в той ванной-пещере, в той прихожей мое представление о мире и здравый смысл разбились вдребезги. Меня вдруг поставили перед фактом, что настоящая реальность — совсем не то, что я привык считать, я не знал, во что и кому верить, но ситуация требовала решительных мер, и мне ничего не оставалось, кроме как принять и смириться.

Но сейчас все иначе. Думаю, мне удалось вжиться в эту «невероятную реальность». Здесь я удивлялся, сомневался, плакал, смеялся, учился. Все, что я здесь увидел, услышал, почувствовал, о чем думал, стало частью меня. Продолжает жить внутри меня. Так мне кажется.

Как бы мне хотелось, чтобы эти летние каникулы никогда не заканчивались. Потому что на самое начало сентября запланирован мой переезд.

«Остался бы здесь навсегда», — подумал я, немного смущенно, немного удивленно и немного растроганно.

Тем же днем после полудня. Я валялся на прохладной веранде и пил чай в компании Поэта.

— У этого чая такой крепкий аромат!

— Это гречишный чай. Отлично сочетается с варабимоти. Ах, вкуснота!

— Э-эй! Инаба-а! — послышался вдруг со стороны прихожей знакомый голос.

Я вскочил на ноги.

— Та... Такэнака?!

Я бросился в коридор. Ну точно, он.

— Ты дома! Йоу!

— К-как... Ты чего? Без предупреждения...

Я в панике схватил его за руку и потянул на улицу.

— Так ты ж все не зовешь и не зовешь!

— Ну, знаешь, я тоже могу быть занят...

На пороге я замер. Дальше путь преграждали пятеро или шестеро парней. У всех в руках были бутылки с дешевым алкоголем и пачки сигарет. Лица их мне были знакомы. Те самые ребята, что были с Такэнакой в гамбургерной.

— Такэнака?..

Такэнака подленько ухмыльнулся. За то недолгое время, что мы не виделись, выражение его лица заметно изменилось. Взгляд помрачнел. В нем появились презрение и высокомерие, но вместе с ними чувствовалось и некая подобострастность. Я не успел опомниться, как меня накрыло раздражение. Я сам из-за своего от природы тяжелого взгляда не раз был втянут в глупые разборки, и потому моментально понял: Такэнака нарывался. Точнее, это у меня

возникло стойкое желание с ним разделаться. Так и подмывало рывкнуть: «Чё уставился?!», — и врезать по роже.

А Такэнака еще и заговорил таким гаденьким тоном, что бесил не меньше, чем его взгляд:

— Подумал, надо ж хоть раз посмотреть, как ты живешь, пока еще не переехал в общежитие. А нам как раз некуда податься, Инаба. На улице жара, не приютишь ненадолго у себя, а?

Вел он себя крайне развязно. Приятели его тоже презрительно ухмылялись. Меня передернуло.

— Твоя комната, вроде, двести вторая? Ну чё, пошли?

Парни всей толпой двинулись внутрь.

— Стой, Такэнака!

— Да, кстати, а где красавица Рурико-сан? Мы бы не отказались от закуски! И пускай к нам присоединяется, мы ее всяким приятностям научим. Ха-ха-ха-ха!

Такэнака с приятелями громко заржали. Я схватил его за грудки.

— Может, хватит уже, Такэнака. Прекрати этот балаган.

Такэнака грубо оторвал от себя мои руки.

— Друзьями дорожить надо, наш мистер примерный ученик. Пойдешь против нас — и дорога в школу тебе будет закрыта.

— Да что ты о себе возомнил? Думаешь, раз вас много, то вам все позволено?!

Такэнака шумно фыркнул, точно говоря: «А что, не так?».

Мелкая шпана, бесстрашная только в компании ей подобных. Строят из себя настоящих плохих парней, а на самом деле всего лишь кучка неудачников, ни на что не способных по одиночке.

Бесят меня такие вот легкомысленные дурни, что за каникулы из-за избытка свободного времени опускаются до гопников, только потому что им однажды взбрело в голову, что «плохими быть круче» или «это интересно». Только вот, как правило, готовности отвечать за свои слова и поступки у них нет ни грамма.

— Подумаешь, выпивка и сигареты, чего сразу хвост поджал, а? Не бойсь, мы тебя всему научим. Ты ж не против бутылочки-другой? Развлечемся!

Похоже, Такэнака с приятелями считали меня за «своего», будто я только в школе веду себя прилично, а на самом деле жду первого подходящего момента, на ком бы сорваться. Нет, не спорю, взгляд у меня не из самых доброжелательных, и манерами в речи и поведении я не отличаюсь, так что, наверное, неудивительно, что кто-то может подумать, что я в любой момент могу начать крушить все подряд.

Но как же сильно они меня недооценивали. Они и представить себе не могут все масштабы моего внутреннего недовольства и тревоги. В школе я прилично себя веду, потому что от этого зависит моя жизнь. У меня нет права на необдуманные срывы.

На презрительный взгляд Такэнаки я ответил полным ярости своим. Мускулы на его лице едва заметно дрогнули.

— Не сравнивай меня с такими отбросами, как вы. Ты и понятия не имеешь, что такое настоящие разборки. Разборки требуют ответа за свои слова, Такэнака. Ты вот готов отвечать за свои слова, а? Ты же просто строишь из себя плохого парня. Потому что никак по-другому не можешь о себе заявить. Чему ты можешь меня «научить»?

Лицо Такэнаки побагровело.

— Ах ты!!!

Он бросился на меня.

— Вот это меня в тебе бесит, Инаба! Вечно делаешь вид, что ты весь такой взросленький!

— Я не по своей воле повзрослел!

Я увернулся от правого кулака Такэнаки и врезал ему своим в левую щеку. Такэнака опрокинулся навзничь.

— Ноги и спину тренировать надо, Такэнака. Поработал бы с мое грузчиком.

Кажется, до него наконец дошло, в чем заключалось ключевое различие между нами. Но изумление в его глазах быстро испарилось, нахмурившись, он опять на меня прыгнул.

— Урод!

Остальные, точно по команде, тоже ринулись в драку.

— Бей его!

— Держите его, я на нем живого места не оставлю!

Жестокая схватка одного против шестерых. С таким количеством даже мне справиться тяжело.

«Я ничего не имею против твоего стиля, Инаба, но ты слишком мельтешишь», — всплыло перед внутренним взором невозмутимое лицо Хасэ.

Да, да. В глазах обладателя четвертого дана айкидо мое кулачное искусство драки предстает, наверное, варварским зрелищем.

Так на удивление хладнокровно размышлял я, обмениваясь ударами с нападавшими. В этот момент раздался вопль, прозвучавший ну совершенно не к месту:

— Ва-а-ау, Юси-ку-у-ун! Ты так крут!

Звонящий от восторга голос донесся откуда-то сверху. От неожиданности я поднял взгляд: высунувшись из окна второго этажа, за мной наблюдала Марико-сан. А рядом с ней Антиквар. Оба держали в руке по бокалу вина.

— Разгуляйся, молодежь! Прозит!

Какое еще «За Ваше здоровье»?!

— Мои несчастья вам не закуска! — не подумав, заорал я в ответ.

Антиквар лишь довольно улыбнулся.

— Так вот ты какой на самом деле, Юси-кун! Сколько мужественности!

— Ангелок снаружи, демон внутри. Обожаю таких ребят!

Марико-сан послала мне воздушный поцелуй. Эх, чего еще, спрашивается, я от них ожидал?

Отвлечшись, я сильно промазал и потерял равновесие. Тут же на меня навалились сверху.

«Черт!..» — успел подумать я, и вдруг...

— Хватит галдеть, молокососы! — громыхнул чей-то зычный голос, так что у меня в голове зашумело, а хулиганы все подпрыгнули на месте. Тело, принявшее удар от духовной волны, оцепенело от страха и неожиданности. В одну секунду в палисаднике стало тихо.

Из общежития неторопливо вышли четверо невысоких полных мужчин в кимоно. У каждого на лице было лишь по одному глазу, а из ртов торчали большие клыки. Они.

«А... Может, это те ребята, что постоянно играют в маджонг?! Впервые их увидел. Это были óни!»

До этого момента я так ни разу и не встретился воочию ни с кем из их компании, что сидела плотным кружком за ширмой и безмолвно стучала костяшками маджонга. Матери Буси они проигрывали, но все равно вызывали страх. Прямо настоящие óни, как с картин!

— Что за... Это чё, мягкие игрушки?..

Такэнака с приятелями пребывали в недоумении. Ну еще бы. Даже окажись у вас перед глазами óни, кто моментально сможет поверить, что он настоящий? Но óни сердито зыркнули на хулиганов, и атмосфера вокруг нас резко изменилась.

Солнце закрыла тень, воздух всколыхнул предвещающий ненастья ветер, откуда-то потянуло пугающим холодом. Тела, на уровне инстинктов отмечая, что происходит нечто странное, сильно задрожали.

«Что это? Что происходит?! — я тоже ощутил это всем существом. — Это же!..»

Находящиеся в палисаднике я, Такэнака и его приятели вдруг увидели всех, не только óни, Антиквара и Марико-сан, а абсолютно всех, до этого момента невидимых обычному глазу созданий. Внутри общежития, на стенах, на кустах, на земле, в тенях деревьев, в воздухе и даже совсем рядом с Такэнакой. Нас окружали десятки, сотни живых существ, и под взглядами их бесчисленных глаз гопников начала бить крупная дрожь.

В этот момент из общежития неспешно вышел Поэт и сказал:

— Я бы вам очень не советовал связываться с Юси-куном, для вашего же блага. В мире есть вещи, от которых лучше держаться подальше. Вы еще так молоды, вы же не хотите испортить себе всю дальнейшую жизнь, нет?

Он улыбался. А невинное выражение на его лице с мелкими, невыразительными чертами, казалось, было преисполнено особого смысла и пугало похлеще всего остального.

Незваные гости начали медленно отступать. Но в воротах, откуда ни возьмись, уже стоял, широко расставив ноги и скрестив на груди руки, Художник.

— Вы же не думаете, что можете вот так припереться, устроить разгром в чужом палисаднике, а потом как ни в чем не бывало свалить, а, сопляки?

Он с хрустом размял пальцы рук. Глаза его пылали. Предвкушая развлечение. Даже такие недохулиганы, как Такэнака и его приятели, затрепетали перед лицом по-настоящему лихого парня!

— У вас еще мамкино молоко на губах не обсохло, а вы уже выпиваете и дымите, что, страх потеряли?! Получайте заслуженное наказание!

Художнику потребовалось совсем немного времени, чтобы разделаться со всеми шестью парнями. Предположим, они немного подустали после драки со мной, но все равно, какие стремительные удары! Какое потрясающее владение телом! Хасэ с его большим опытом в боевых искусствах всегда меня восхищал, но приемы Художника показались мне во много раз круче!

— Подавляющее преимущество в опыте, что говорится, на лицо, — усмехнулся Поэт, пока я в шоке таращил глаза. — Сам-то и пьет, и курит с детства. Просто кулаками помахать захотелось, ох уж этот Фукасэ.

Марико-сан и Антиквар радостно аплодируют в окне второго этажа. Они успели незаметно удалиться, и потусторонняя атмосфера над палисадником рассеялась.

— Он и на своих персональных выставках регулярно устраивает погром. Стулья, столы переворачивает. Среди его поклонников есть такие, которые приходят именно для того, чтобы на это посмотреть.

— Прямо как на концерте хэви-метал-группы.

Поэт протянул мне мокрое полотенце. Я оттер кровь из носа и рта.

Такэнака с приятелями бросились в беспорядочное бегство. Сами все побитые и помятые, шатаются, но скорости им было не занимать! Это про таких говорят «удирать, поджав хвост», подумалось мне.

Страшно довольный дракой и добычей в виде отобранных у побежденных ребят выпивки и сигарет, Художник приподнял мой подбородок, изучил мое все в ссадинах и синяках лицо и широко ухмыльнулся.

— Ну что, чувствуешь себя настоящим мужиком, Юси?

Я ухмыльнулся в ответ.

— А то!

— Что такое?! Что здесь случилось?! — переводя взгляд округлившихся глаз между нами и уносящими ноги хулиганами, спросила остановившаяся в воротах Акинэ-тян. В руках она держала большой арбуз.

— Да так, поиграли слегка в сотрудничество между нежитью и людьми.

И мы все расхохотались.

Закат последнего дня летних каникул. Все обитатели общежития собрались на барбекю-вечеринку в саду.

На неизвестно откуда вытащенном гриле жарились в больших количествах мясо и овощи.

— Барбекю предоставьте мне, — заявил Художник, демонстрируя неожиданный талант к кулинарии под открытым небом.

— Он ведь «художник-путешественник». Привык к палаточной жизни.

— Здорово, наверное, постоянно переезжать с места на место в компании верного пса.

— Всем привет!

— Сато-сан! Вы сегодня рано.

— Забил на сверхурочные и помчался домой. О-о, какой аромат!

— Кому пиво? Прямо из холодильника!

Следом за Сато-саном и Марико-сан стали подтягиваться и другие обитатели Особняка нежити, среди которых были как и похожие на людей создания, так и нет. Прямо как на костюмированной вечеринке на Хэллоуин.

— Саке заказывали?

— Извините за вторжение!

— А-а, заходите, заходите! Располагайтесь!

Я с улыбкой встретил кого-то явно не человеческого (лицо человека, но торчащие из рукавов кимоно руки были покрыты густой шерстью). Не потому что решил, что, раз это последний вечер, можно ни на что не обращать внимания. Просто сегодня моя прощальная вечеринка, а я ее хозяин. Вот и подумал, что нужно вести себя достойно.

Гости несли с собой к общему столу кувшины с sake, сушеную рыбу или фрукты. Как мне сказали, на подобные сборища принято приходить с гостинцами в качестве своеобразной платы за вход.

— Извините за вторжение!

Это пришла уже знакомая собака в хакама со знаками рода.

— Я пришла по велению Аканэ-сама. Прошу вас, примите ее дар.

Она протянула мне крупного морского карася.

— Это от Аканэ-сан?!

К гостинцу прилагалось письмо. Мне от Аканэ-сан. Это оказалась танка.

Пусть наши пути

Никогда больше не пересекутся

Я не забуду

Твой лик

— О-о, умеет же матушка, чувствуется стиль!

— Это значит, что она будет о тебе помнить, Юси-кун.

Я молча кивнул. Сердце кольнуло. Я и не думал, что она сделает специально ради меня нечто подобное.

— Пожалуйста... Пожалуйста, передайте ей от меня огромное спасибо, — я низко поклонился собаке-посланцу. Ничего большего мне не пришло в голову. Что сказать еще, как отблагодарить — ни одной идеи. Притом что мы, возможно, больше никогда не встретимся.

— Добавка от Рурико-сан!

Акинэ-тян вынесла большой поднос, на котором впритык стояли маленькие бутылочки и тарелочки. На каждой были любовно разложены вареные и жареные в панировке овощи, рыба, морепродукты. Присутствующие с восторгом окружили девушку.

— А это по особому рецепту Рурико-сан.

На подносе Ямада-сана выстроились ровные ряды онигири.

— О-о, рисовые онигири!

— Рисовые онигири!

Онигири имели большой успех среди потусторонних созданий. Вроде бы потому что в рисе содержится духовная энергия.

Прошло немного времени, и вдруг все — набившая полные рты онигири довольная нежить и о чем-то таинственно шепчущиеся с Антикваром существа — разом вздрогнули и повернулись к воротам.

— Это же!..

Я тоже посмотрел в сторону ворот. Из темноты вышла облаченная в черное человеческая фигура.

— Всем привет. Смотрю, вечер в самом разгаре.

— Рю-сан!

Так и знал, что это был Рю-сан! Я бросился к нему.

— Я тоже пришел не с пустыми руками. Пустите к себе в компанию?

— Спасибо, что пришли!

— Рад, что успел. Вот и пришло время прощаться, да, Юси-кун?

Излучающие внутреннюю силу голос и взгляд. После слов Рю-сана о том, что «пришло время прощаться», в моей голове одно за другим начали вспыхивать воспоминания. Удивление и растерянность после переезда. Разговоры с Рю-саном, Поэтом и Акинэ-тян. Буся, Бела и Аканэ-сан...

— Да...

Я невольно повесил голову, но Рю-сан ласково погладил меня по волосам.

— Рю-сан, давно не виделись!

— Привет, Акинэ-тян. Как практика, продвигается?

Точно кинозвезда, притягивающая к себе взгляды всех присутствующих, Рю-сан неторопливо прошел в сад. Среди собравшихся потусторонних существ были и такие, что предпочли потихому смыться.

— Рю-сан, с чем пожаловал? Ого, да это же форель, ничего себе!

— Давайте ее пожарим!

— Я бы и от сырой не отказался...

Пока все оживленно галдели, Антиквар протянул Рю-сану бокал с красным как кровь вином.

— Как насчет свежей крови графини Батори?

— А ты все не меняешься, Антиквар, — усмехнулся Рю-сан. Ну а как еще ему было реагировать? Хотя уже одно то, что Антиквар вызвал у Рю-сана усмешку, дорогого стоит.

— И ты тоже, чему я не могу не радоваться, о «синяя жемчужина Востока», прекрасная бледная синева.

Говоря это, Антиквар провел рукой по волосам Рю-сана, распуская их. На плечи экстрасенса

упала блестящая волна длинных черных волос.

— Прямо как у русалки.

Антиквар поддел пальцами прядь волос Рю-сана и поцеловал ее. Я остолбенело за ними наблюдал.

— Может, хватит уже называть меня «бледной синевой», — Рю-сан легонько шлепнул по руке Антиквара. — И прекрати воровать мои волосы!

В правой руке Антиквара, что Рю-сан поймал за запястье, были зажаты два длинных черных волоса.

— Воровать... волосы?

— Тебе жалко, что ли, подумаешь, пара волосков? А для меня это ходовой товар!

— Волосы?

— В волосах аккумулируется духовная энергия и жизненная сила, — пояснила для меня Акинэ-тян.

— В «Гэгэгэ но Китаро» об этом тоже упоминается, — добавил Поэт.

Я хлопнул кулаком по ладони.

— А-а! Антенна нежити!

— Только не надо меня с ними сравнивать, Иссики-сан.

— Что, гордость не позволяет, Рю-сан?

— Эти волосы расходятся на раз-два. Вложишь его в такой медальон с кристаллом, и европейские благородные дамы будут готовы за него любые деньги отдать.

Антиквар показал медальон в форме капли. Под кристаллом-крышкой лежал свернутый восьмеркой волос.

— Хватит наживаться на чужих волосах без ведома их владельца! — закричал Рю-сан, что для него было редкостью. — И вообще, как мне прикажешь нести ответственность перед твоими

покупателями?!

— Так тебя это беспокоит, Рю-сан?

— Что?.. Нет, я не это имел в виду, Иссики-сан...

Я с круглыми глазами наблюдал за этой почти комедийной сценой. Мудрец Рю-сан предстал передо мной с совсем иной стороны. Мне вдруг стало так смешно, что я не смог сдержаться и звонко захохотал.

С приближением ночи потустороннее присутствие усилилось. Саке и закуска не знали конца, на решетке гриля, возбуждая гостей ароматом, поджаривались все новые и новые порции мяса и овощей. Все пили всласть, ели за обе щеки, громко разговаривали, смеялись — было невероятно весело.

— Вот оно как, возвращаешься, значит. Жалко, жалко.

— Ну, о нас, главное, не забывай. И ладно.

Привидения, нежить и другие малопонятные мне существа хлопали меня по плечу, гладили по голове, угощали саке, подкладывали еду, жаловались, травили байки, в общем, я в полной мере наслаждался своей лучшей ночью в Особняке нежити. Для меня, возвращающегося в обычный мир, она стала самой фантастичной, самой запоминающейся и самой эмоциональной за всю жизнь, ведь, скорее всего, ничего подобного мне пережить уже не придется.

Глубоко за полночь я следом за отправившейся к себе вместе с Бусей Акинэ-тян тоже решил откланяться. Вечеринка грозила затянуться до самого рассвета.

Но перед тем как вернуться в свою комнату, я отозвал Антиквара в тени.

— Я тебя слушаю, Юси-кун?

Антиквар, окруженный пахнущим травами дымом от тонкой сигары, окинул меня сверху вниз цепким взглядом. Я, слегка запинаясь, спросил:

— Этот... медальон с волосом Рю-сана... сколько стоит?

Единственный серый глаз Антиквара слегка округлился. Я почувствовал, что краснею.

— П-подумал, возьму как оберег... Он же... Ну... В-вроде должен работать...

— Уфум, — глубокомысленно выдохнул Антиквар.

Надеюсь, он ничего странного не подумал? Хотя что тут может быть странного?..

Антиквар протянул мне тот самый медальон, что показывал недавно.

— Считаю это моим прощальным подарком. Держи.

— Что?! В-вы уверены?!

Антиквар заговорщически улыбнулся краем рта.

— Большое спасибо!

Я сжал пальцами медальон.

Думаю, мне хотелось даже не оберег, а просто нечто на память. Чтобы, когда воспоминания о прожитых здесь днях подернутся пеленой лет, я смог взглянуть на вещественное доказательство у себя в руке и убедиться, что мне ничего не приснилось.

— Ты чего такой довольный? — держа на руках Бусю, улыбнулась мне наверху лестницы Акинэ-тян.

Я показал ей медальон.

— Антиквар подарил в качестве прощального подарка. Хе-хе.

— Медальон с волосом Рю-сана? Он наверняка работает.

— Серьезно?!

Акинэ-тян положила руку на мой сжимающий медальон кулак.

— Тогда вот тебе еще и напутствие от меня. Пусть Юси-кун сможет легко вернуться к обычной жизни.

Я растроганно на нее посмотрел.

— Думаю, с отъездом отсюда твои экстрасенсорные способности больше не будут подвержены потустороннему влиянию. Сможешь жить спокойной жизнью.

— Спасибо... Акинэ-сан.

За окном посреди теплой тьмы вспыхивали и гасли таинственные разноцветные огоньки.

Слышался людской и не только смех, обрывки разговоров, какой-то вой.

Я, поставив на подоконник локти и забыв о сне, без устали за всем этим наблюдал.

И вот...

В самом начале сентября я съехал из этого общежития.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344787>